

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И ДИАЛОГИ

А.В. КОМКОВ

(Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут, Россия)

УДК 821.161.1.3(Достоевский Ф.М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

ДИАЛОГ О СВОБОДЕ ЛИЧНОСТИ: Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И М. ШТИРНЕР (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЯ»)

Аннотация. В статье рассматривается диалог о свободе личности Ф.М. Достоевского, автора «Записок из подполья», с немецким философом М. Штирнером, автором трактата «Единственный и его собственность», который продолжится в последующем творчестве русского писателя. Делается вывод об утверждении в творчестве Достоевского идеи спасения человека через отказ от болезненной диалектики, искажающей личность.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, М. Штирнер, «Записки из подполья», «Единственный и его собственность», диалог, свобода личности.

В 1844 году в Лейпциге была напечатана книга Макса Штирнера (настоящее имя Иоганн Каспар Шмидт) «Der Einzige und sein Eigentum» («Единственный и его собственность»). Данное произведение считается программным трудом немецкого философа, идеи которого почти на полвека опередили возникновение индивидуализма и анархизма. Произведение Штирнера наделало много шума в немецких интеллектуальных кругах и подверглось резкой критике, прежде всего со стороны социалистического лагеря западноевропейских философов, среди которых были К. Маркс и Ф. Энгельс. Но, вызвав бурную реакцию, сразу после своего выхода в Европе книга была практически забыта (вплоть до 90-х годов XIX века) на фоне стремительно растущей популярности другого немецкого философа-иррационалиста Ф. Ницше.

Однако русская интеллигенция приняла книгу довольно восторженно, так как интерес к проблеме взаимоотношений личности и общества в 1840-е годы был велик как никогда. Об этой книге спорили и славянофилы, и западники; она приковала к себе на долгое время внимание

таких мыслителей, как В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.С. Тургенев, М.А. Бакунин, А.С. Хомяков и др.¹

Не обошел вниманием произведения Макса Штирнера и Ф.М. Достоевский, который, по предположению Н. Отверженного (Н.Г. Бульчева), впервые мог познакомиться с ними в кружке Белинского (в период с 1845 по 1847 год). Чуть позднее на одном из собраний кружка Петрашевского он сделал доклад «О личности и об эгоизме»², в котором очевидно влияние идей немецкого философа. Трактат Штирнера наравне с произведениями Прудона и Фурье хранился в библиотеке кружка. Однако полновесный диалог Достоевского с автором «Единственного», по мнению Н. Отверженного, начинается только с «Записок из подполья» (1864–1865). Как известно, это произведение отчасти повторило судьбу трактата Макса Штирнера: сразу после публикации «Записки» подверглись критике и ушли в тень, ожидая своего времени. После выхода «Преступления и наказания» интерес к повести возник вновь.

«Записки из подполья» – глубокое и противоречивое произведение, в котором поднимается комплекс основных философских проблем середины XIX века: кризис веры, противостояние рациональной и иррациональной философских систем, соотношение эгоизма и свободы личности. В качестве прототипа своего героя Достоевский избирает одного из «представителей еще доживающего поколения»³. Иными словами, перед читателем предстает один из типичных людей своего времени. Эпоха формирования «подполья» – это конец 40-х – начало 60-х гг. XIX века, канун и начало реформ Александра II и постепенная либерализация общества. По замечанию Ф. Бельтраме, разночинцы 1860-х гг. являли собой социальный слой уже относительно многочисленный и распространённый как в обществе, так и в бюрократическом аппарате, хотя и не на самых высоких его ступенях⁴.

Чиновник – человек, обитающий в канцелярии, «штифтик» огромного механизма государственного аппарата, идеально подходит для выражения стремления этого самого «штифтика» к свободе. Давление безликой бюрократической машины доводит героя до крайне болезненного состояния: «Ведь уж как иногда гадко становилось ходить в канцелярию:

---

¹ *Отверженный Н. Штирнер и Достоевский* / предисл. А. Борового. М.: Голос труда, 1925. С. 11.

² Там же. С. 27.

³ *Достоевский Ф.М. Записки из подполья* // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 99.

⁴ *Бельтраме Ф. О парадоксальном мышлении «подпольного человека»* // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 136.

доходило до того, что я много раз со службы возвращался больной»⁵. И вот «Штифттик» вываливается из механизма, как только появляется первая возможность: «Я служил, чтоб было что-нибудь есть, <...> и когда прошлого года один из отдаленных моих родственников оставил мне шесть тысяч рублей по моему завещанию, я тотчас же вышел в отставку»⁶. Герой полностью скрывается в «подполье», что, по его собственному заявлению, было predetermined заранее: «Я и прежде жил в этом углу, но теперь я поселился в этом углу»⁷. На наш взгляд, здесь угадывается мысль Штирнера о том, что общество и вообще любая форма социальной организации является препятствием на пути становления личности: «До тех пор, пока существует хотя бы одно учреждение, которого не имеет права устранить единственный, до тех пор далеко еще до моего своеобразия и моей самопринадлежности»⁸. Следуя этой логике, герой-подпольщик отмечает неблагоприятное воздействие общественной системы образования на личность: «В нашей школе выражения лиц как-то особенно глупели и перерождались. Сколько прекрасных собой детей поступало к нам. Через несколько лет на них и глядеть становилось противно»⁹.

«Подполье» для героя повести – это «угол», его физическое окружение, материальный план бытия. В то же время «подполье» – это состояние его духа, разума, идеальный план бытия. Почему именно такую форму существования избирает себе «подпольный парадоксалист», доживая свою жизнь в «промежутке», который он сам и создал? Штирнер утверждал: «Слово “общество” – Gesellschaft – происходит от слова “зал” (Sail). Когда в зале собралось много людей, тогда зал превращает их в общество»¹⁰. Герой повести Достоевского создает свою собственную, субъективную реальность, абстрагируясь от окружающего общества и пребывая наедине с самим собой и своими мыслями.

Посредством «подпольщика» Достоевский поднимает фундаментальные проблемы свободы личности. Автор вступает в дискуссию с рационалистами, доказывая бессмысленность идеи господства разума над человеком; а также с иррационалистами, развивая логику данного философского направления до конца: «Я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины»¹¹.

⁵ Достоевский Ф.М. Записки из подполья. С. 125.

⁶ Там же. С. 125.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков : Основа, 1994. С. 203.

⁹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 139.

¹⁰ Штирнер М. Указ. соч. С. 204.

¹¹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 178.

Задаваясь вопросом о том, каковы же причины «подполья», герой повести констатирует: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым»¹². Позиция героя перекликается с эпиграфом трактата М. Штирнера «Единственный и его собственность»: «Ничто – вот на чем я построил свое дело»¹³. Это самое «ничто» неразрывными нитями связывает «единственного» и «парадоксалиста». Можно ли назвать подпольного героя свободным? Он заключен в замкнутый круг рефлексии, в который его завела диалектика размышлений. Он заключен в свой «угол» как интеллектуально, так и физически. Штирнер не признает такого человека свободным: «Разве дух не жаждет свободы? Ах, не только один мой дух, но и тело мое ежечасно жаждет ее!»¹⁴. «Подпольщик» Достоевского не свободен, и он понимает это: «Всякий порядочный человек нашего времени есть и должен быть трус и раб»¹⁵. И в подобном самоуничижении он находит особое, изощренное удовольствие: «До того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное подленькое наслаждение»¹⁶. В своих размышлениях герой, культивируя личные душевные страдания, доходит до крайности и, сравнивая их с зубной болью, приходит к мысли, что «и в зубной боли есть наслаждение»¹⁷.

Своими умозаключениями подпольный герой совершает «полный круг»: «Человеку надо – одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела, <...> ну и хотенье ведь черт знает...»¹⁸. Создается парадоксальная ситуация: несмотря на противоречивые размышления, подпольщик приходит к штирнеровскому «для Меня нет ничего выше Меня»¹⁹: «Я-то один, а они все»²⁰. Однако диалектически он не видит выхода из данного противоречия, ибо «рассудок есть только рассудок, и удовлетворяет только рассудочные потребности человека, а хотенье есть проявление всей человеческой жизни, и с рассудком и со всеми почесываниями»²¹.

История человечества для парадоксалиста не более чем иллюзия, которую сознательно буквализирует общество. Это, в частности, выра-

¹² Достоевский Ф.М. Записки из подполья. С. 100.

¹³ Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 144.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 125.

¹⁶ Там же. С. 102.

¹⁷ Там же. С. 106.

¹⁸ Там же. С. 113.

¹⁹ Штирнер М. Указ. соч. С. 9.

²⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 125.

²¹ Там же. С. 115.

жается в повести в образе хрустального здания: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое»²². Тем не менее, сам подпольщик испытывает чувство скептического раздражения от ощущения его непреходящего постоянства: «Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое»²³. Подпольный человек отрицает прогресс человечества, потому что благодаря ему «кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское! Вот вам все наше девятнадцатое столетие <...> И что такое смягчает в нас цивилизация?»²⁴. Для него история – это бесконечное повторение жестокости, кровопролития и войн. Как указывает сам герой, все это – следствие человеческого эгоизма, или же «хотения», складывающегося вопреки человеческим интересам. Подобный взгляд вполне согласуется с позицией Штирнера: «Ткань современного притворства и лицемерия раскинута меж двух областей, между которыми колеблется наше время, и плетет свои тонкие нити обмана и самообмана. Не будучи достаточно сильным, чтобы определенно и неослабно служить нравственности, и еще недостаточно беспощадным, чтобы жить совершенно эгоистически, дрожит он в паутине притворства, склоняясь то к одному, то к другому, и ловит, ослабленный проклятием половинчатости, только глупых, жалких мошек»²⁵. Эта же дилемма выгоды и личностного самоопределения волнует и героя Достоевского, для которого показательно, что люди «зазнамо, то есть вполне понимая свои настоящие выгоды, отставляли их на второй план и бросались на другую дорогу, на риск, на авось, никем и ничем не принуждаемые к тому, а как будто именно только не желая указанной дроги, и упрямо, своевольно пробивали другую, отыскивая путь её чуть не в потемках»²⁶. Для него свободная воля стоит выше логики и рационального видения мира, которые являются оправданными в оценке истории.

Проявлением стремления подпольного героя к свободе становится, в частности, бессознательная потребность психологического доминирования над оппонентом. Для сильной личности, по Штирнеру, подобный вид самоутверждения является естественным. Человек имеет право только на то, что может захватить и удержать: «Моя мощь – Я сам, и благодаря ей я – моя собственность»²⁷. Однако для героя «Записок» это стремление носит болезненно-патологический характер: «Был у меня

²² Достоевский Ф.М. Записки из подполья. С. 120.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 112.

²⁵ Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 50.

²⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 110.

²⁷ Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 173.

раз как-то и друг. Но я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его душой; я хотел вселить в него презрение к окружавшей его среде; я потребовал от него высокомерного и окончательного разрыва с этой средой <...> но когда он отдался мне весь, я тотчас же возненавидел его и оттолкнул от себя, – точно он и нужен был мне только одержания над ним победы, для одного его подчинения»²⁸. Парадоксалисту важно само чувство обладания, поэтому достигает утверждения своего «Я» лишь в том случае, когда ему удастся полностью сломать субъект посредством своей воли и сделать его своей «собственностью».

Наиболее ярко подобное стремление проявилось в отношении героя с Лизой. Беззащитная девушка стала для него объектом самоутверждения и зависти, черной, беспощадной зависти. Лиза, несмотря на все внешние обстоятельства, сохранила нравственную чистоту. Подпольщик же, сознательно отказавшись от этого, при встрече со своим антиподом терпит поражение: «Чего мне было стыдно? – не знаю, но мне было стыдно. Пришло мне тоже в взбудораженную голову, что роли ведь окончательно переменились, что героиня теперь она»²⁹. Как видно, сама мысль об утрате своего господства над другой личностью выводит его из равновесия. Он утрачивает свою мощь, следовательно, его «Я» теряет контроль над самим собой и практически рассыпается на части.

Противоречивым мировоззрением подпольный герой обязан прежде всего своей извращенной рефлексии, заставшей его достичь состояния когнитивного диссонанса. Посредством своего разума он достигает абсолютного закрепощения своего разума, своей личности, своего духа. Тем не менее, герой Достоевского – парадоксалист и релятивист, для него не существует истины в виде каких-либо определенных, ясных положений. Он пишет исповедь для того, чтобы еще более «увязнуть» в своей рефлексии. Возникает картина бесконечности «подполья». В финале повести герой, по его словам, «не выдержал и продолжил далее»³⁰.

Понимание повествовательной специфики данного произведения невозможно сегодня без учета мысли М.М. Бахтина о том, что текст Достоевского по своей структуре диалогичен: «Он строится не как целое одного сознания, объективно принявшего в себе другие сознания, но как целое взаимодействие нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого»³¹. В диалогическом поле повести можно увидеть две позиции понимания свободы личности: позицию «подпольного ге-

²⁸ *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья. С. 140.

²⁹ Там же. С. 175.

³⁰ Там же. С. 179.

³¹ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия, 1972. С. 29.

роя», коррелирующую с идеями Штирнера, и позицию автора. В связи с невозможностью одного сознания до конца сделаться объектом другого эти два взгляда существуют вполне самодостаточно, причем авторское видение проблемы простирается далеко за пределы произведения.

Для антигероя свободы в объективном смысле не существует, он остается в своем «подполье», что равноценно душевному и телесному плену между выбором «душевного счастья ли, или возвышенного страдания»³². Подпольный герой выбирает страдание, оставаясь в своем «промежутке», основанном на эгоизме с очерченной разумом «пограничной» линией. Черты штирнеровского «Единственного» явственно прослеживаются в образе подпольщика, переплетаясь с диалектической рекурсией, и обретают химерические черты. Абсолютное «Я» отождествляется с эмпирической личностью, которая таким образом получает значение единственной и абсолютной реальности. Посредством же разума «единственный» заключен в ловушку, из которой ему не выбраться, что противоречит взгляду Штирнера на свободу и природу «Единственного»: «Стремиться к разумности я, конечно, могу, могу любить ее, как Бога и каждую другую идею, могу быть философом, любителем мудрости, так же как люблю Бога. Но то, что я люблю, к чему стремлюсь, то лишь в моей идее, в моем представлении: оно – в моем сердце, в моей голове, во мне, как мое сердце, но оно – не я. Я – не оно»³³.

Достоевский посредством парадокса уходит из сферы разума в духовную сферу, дискредитируя рационалистическую позицию и показывая последствия крайнего эгоизма, заключенного в рамки болезненного сознания, вступая в борьбу с этими «порочными» проявлениями индивидуализма. Примечательно, что у «подпольщика» в определенный момент появляется возможность «спасения» (в образе Лизы), но герой приходит в итоге к следующему выводу: «Ну, попробуйте, ну, дайте, нам, например, побольше самостоятельности, развяжите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и мы... да уверяю же вас: мы тот час попросимся опять обратно под опеку»³⁴.

Диалог о свободе личности не заканчивается на «Записках из подполья», он продолжается в дальнейшем творчестве Ф.М. Достоевского. Идея спасения человека путем отказа от болезненной диалектики раскрывается в полной мере в его очередном произведении – романе «Преступление и наказание».

---

³² Достоевский Ф.М. Записки из подполья. С. 178.

³³ Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 76.

³⁴ Достоевский Ф.М. Записки из подполья. С.178.